

ПИЩЕВЫЕ ЗАПРЕТЫ В ТРАДИЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А. Желтов

Вологодский институт права и экономики ФСИН России

[28]

К началу XX века в культуре питания населения Вологодской земли существовал ряд пищевых запретов. Впрочем, эти запреты не носили обязательный повсеместный характер для всей территории. В разных районах и местностях наблюдались как вариации в культуре питания, так и различия в пищевых запретах. Пищевые запреты в традициях населения вологодских мест ограничивались преимущественно продуктами животного происхождения. Запреты на использование с пищу диких растений (как то иногда было в южнорусских областях) или грибов (как у сибирских народов) автором данной статьи, среди всего массива обобщаемого этнографического материала, обнаружены не были. Отсутствие подобных запретов вполне объяснимо особенностями хозяйственной деятельности и всей системой традиционного жизнеобеспечения у вологодского населения. В условиях Русского Севера земледелие не могло полностью обеспечить все потребности в питательных веществах и неизбежным становилась большая роль собирательства как дикорастущих растений, так и грибов. Тем более, что в отличие от сибирских народов у населения Вологодской области практически не встречается непереносимости содержащегося в грибах дисахарида трегалазы.

На фоне подобной ситуации существование запретов на употребление в пищу некоторых продуктов животного происхождения выглядит достаточно странно. Возникают резонные вопросы: Когда у населения Вологодчины появились пищевые запреты? И с чем связано их появление?

Если судить по имеющимся в настоящее время опубликованным археологическим данным, в раннем средневековье (как и в предшествующие эпохи) в питании населения присутствовало мясо тех видов, которые в начале XX века в пищу не использовались. Так, в поселении Крутик, датированном IX-X веками, и расположенном на берегу р. Шексны, среди косных останков преобладают кости бобра (от 420 особей) [1], мясо которых вологжане в начале XX века уже не ели.

Среди костных останков на том же поселении весьма многочисленны кости рыбы, среди которых свыше 50 % приходилось на щуку, что свидетельствует, что отношении рыбы в X веке, также как и в XX веке не существовало никаких пищевых ограничений.

Появление пищевых запретов обычно связано с религиозными взглядами, мифологией и суевериями. Запрет на употребление в пищу мяса различных животных возникал в различных религиозных системах: 1) когда данные животные считались священными; 2) когда животные (или их мясо) считались нечистыми («грязными»). Так в иудаизме существует запрет на употребление рептилий и моллюсков, который как раз объясняется нечистотой данной пищи. В исламе запрет на употребление свинины объясняется нечистотой этого животного.

Часть пищевых запретов в культуре питания (XIX – XX вв.) населения Вологодской губернии и целом Русского Севера может быть связана с суеверными и религиозными воззрениями, восходящими к еще языческой традиции. Так, в западных районах современной Вологодской области и местами в бассейне рр. Сухоны в пищу не употребляли мясо лебедей, т.к. лебедь – священная птица, и медведя, т.к. медведь – «страшный зверь» [2]. Существование запрета на употребление в пищу лебедей и медведей было отмечено Н.Н. Харузиным в культурных традициях населения Пудожского уезда Олонецкой губернии. Он проследил обширную географию данного запрета: на севере помимо Олонецкой, еще и в Архангельская губерния, и на юге - в Оренбургская, Тамбовская, Тульская губернии. Н.Н. Харузин отмечал, что «у пудожан, как и всюду существует деление животных на чистых и нечистых. Но из числа животных и птиц, выделяются некоторые, убивать и есть которые считается грехом и не оттого, что это «запрещено Богом», как принято по т.н. «нечистым животным», но по совершенно особым соображениям, которые крестьяне подчас сами привести не умеют» [3]. Запрет на употребления мяса медведя на Русском Севере отмечала в своей работе Г.Н. Мелехова, но также без объяснения причин его появления, лишь с упоминанием, что даже само слово «медведь» охотники опасались произносить [4].

Впрочем, запрет на убийство лебедей встречался не повсеместно на современной территории Вологодской области. Так, на севере Кадниковского уезда (в Троищине) среди прочих видов промыслили лебедей [5]. Здесь же охотились и на зайцев, мясо которых в ряде других мест Вологодчины к началу XX века стали фигурировать среди пищевых запретов.

Как ни странно, но появление в Вологодских землях большинства поздних пищевых запретов (употребление мяса разных животных, по-видимому, обусловлено иудейской религиозной традицией, проявившейся косвенно, через православие. В христианстве пищевые запреты, существовавшие в иудаизме, были отменены, как в результате новой трактовки, представленной в Евангелиях, так и в результате размежевания с иудаизмом и развития христианской доктрины в первые века становления религии. Однако, среди священных текстов Библии в качестве Ветхого завета представлены древнееврейские священные писания, содержащие запреты на употребление в пищу свиней, хищных зверей и птиц, грызунов, рептилий и моллюсков. К «нечистым» животным, мясо которых запрещено употреблять в пищу, в книге Левит в Горе были отнесены (не повторяя уже упомянутых): лошади, верблюды, грызуны (зайцы, мыши, тушканчики, кроты, землеройки) и большинство диких птиц и животных. В православии же Библия доступна для прочтения, как священническому, так и верующим. Поэтому хотя официально христианская церковь данные запреты не признает, некоторые из них местами сами по себе получили распространения среди православного населения. На Русском Севере запрет на употребление в пищу свинины, получил к тому же несколько иную трактовку. Нечистоту свиньи здесь объясняют евангелическим сюжетом изгнания Иисусом Христом бесов в стадо свиней.

[29]

Также можно отметить запрет на употребление в пищу мяса грызунов, в том числе и зайчатин. Однако запрет на зайцев встречался у русских лишь местами, и на многих территориях зайчатина традиционно использовалась в пищу. Более того, в иудаизме существует запрет на употребление в пищу мяса животных убитых удавлением. Тогда как русские крестьяне охотились на зайцев и рябчиков в основном с помощью ловушек, постросанных по принципам удавок и давилок [6].

Еще один комплекс пищевых запретов в традициях населения Вологодского края связан с православными постами. В православии количество постных дней в году (зависимости от календаря) доходит до 200. В последнее время нередко пытаются с псевдонаучных позиций объявить многие религиозные обычаи полезными для здоровья человека. В том числе, православные (и не только православные) посты объявляют физиологически обходимыми и способствующими улучшению здоровья. В действительности на примере ситуации в Вологодской губернии в начале XX века видно, что, по крайней мере, для физиологии вологодского населения, проживавшего в местных агроклиматических условиях, традиция постов была чуждой и вредной для здоровья. Земские медики довольно часто фиксировали, весной после окончания «великого поста» среди особо религиозных обитателей края тяжелые случаи цинги и куриной слепоты. Кроме того, в особо религиозных семьях в период поста молока и молочных продуктов лишали даже малолетних детей.

Пик заболеваемости куриной слепотой приходился на весенние месяцы – март и апрель: в 1910 году: в феврале – 140 случаев, в марте – 925, в апреле – 959, в мае – 120, в июне – 44, в июле – 80, в августе – 20; в 1911 году: в феврале – 100, в марте – 985, в апреле – 437, в мае – 86 [7]. Очевидно, что максимум заболеваемости связан с периодом Великого поста, во время которого молочная пища была под запретом. Даже официальная земская медицинская статистика, которая игнорировала авитаминозы и фиксировала тяжелые случаи их проявления, отмечала в начале XX века уровень заболеваемости свыше 1 промилле. Появление цинги весной также связано с религией. Помимо беднейших слоев населения цинга обнаружилась у старообрядцев, которые в период весенних постов сами ограничивали себя в пищевом разнообразии [8].

Литература

1. Андреева Е.Г. Фауна поселения Крутик (по остеологическому материалу из археологических раскопок) // Голубева Л.А., Кочуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX-X вв.). – Петрозаводск. 1991. – С. 182-186.
2. Полевые материалы автора – экспедиция в южную часть Вытегорского района Вологодской области (июль-август 2002 года); Воронина Т.А. Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области // Русский Север: ареалы и культурные традиции. – СПб., 1992. – Вып.4. – С. 81.
3. Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. – Вып. 3. – Петрозаводск, 1894. – С. 328, 330.
4. Мелехова Г.Н. Русские. Традиционный уклад Лекшмозерья. – Москва, 1993. – Ч.1. – С. 94.
5. Шустиков А.А. Троицина Кадниковского уезда // Живая старина. – 1892. – Вып. 2. – С. 71-92 – С. 83.

6. Архангельский А. Село Давшино, Ярославской губернии Пошехонского уезда // Этнографический сборник, издаваемый РГО. – Вып. 2. – СПб., 1854. С. 15.; Шустиков А.А. Там же.; Севрин Д.Е. Вытегорская любительская охота // Вытегра. – Вып.3. – Вологда: Русь, 2005. – С. 130.
7. Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии (далее – ВСО ВГ). – 1910 и 1911 гг. (все выпуски).
8. Отчет о командировке в Архангельскую волость Вологодского уезда по поводу развития в ней цынготных. Эпид. Фельдшера И.П. Зарюгина // ВСО ВГ. – 1903. – № 6. – С. 31-33; Отчет по борьбе с цынгой в Вологодском уезде с 16 июня по 28-е июля 1903 года. Студента 5 курса Московского университета медицинского факультета С.Х. Фихтнера // ВСО ВГ. – 1903. – № 6. – С. 27-30.

[30]

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ НА СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.А.Канаева

Вологодский государственный педагогический университет

Актуальность исследований идентичности во многом связана с растущим интересом к этой проблеме, который отражает реакцию науки на трансформацию общественных условий. Резкие социальные перемены сопровождаются развитием системы коммуникаций, усилением миграционных процессов и приводят к увеличению субъективной причастности к различным реальным и виртуальным группам, появлению новых статусно-ролевых и профессиональных позиций. Многие отечественные и зарубежные авторы отмечают, что сегодня потребность человека в идентичности выходит по значимости на одно из первых мест. Это понятие становится одним из центральных в психологии, поскольку оно связано с комплексом проблем социальной теории и практики. Исследуются отдельные виды идентичности, её становление под влиянием меняющихся экономических, политических и социокультурных условий.

Проблемы отношений со значимыми людьми давно находится в поле внимания психологов. Человеку безразлично, что думают о нём другие, и очень важно, что они признают его. В своём соображении человек пытается представить, как его воспринимают другие люди и соответственно этому строит взаимодействие с ними. Получается, что Я - Идентичность и Другой неотделимы друг от друга. Человеческий поступок как собственный, так и чужой, оценивается с позиций значимых людей, и действие осознаётся по меркам и эталонам ценного и должного.

Стремление индивида соотнести внутренний мир с внешним возможно при следующих социальных условиях, обозначенных М.В.Заковоротной: индивидуальное соотнесение с всеобщим временем; развитие опосредованного опыта в связи с ослаблением зависимости социального опыта от социального места; рост индивидуализации и автономности; вовлечение человека в ситуацию постоянного выбора в условиях плюрализма стилей; потребность в новом типе индивида, осознающем свою роль и ответственность за процесс протекания отношений, способном отвечать за свои поступки.

Формирование личности, соответствующей определённым социальным требованиям и идеалам, относится к категории «вечных проблем» над расширением которых человечество бьётся не одно столетие.

Идентичность – сложный феномен, сложная психическая реальность, включающая различные уровни сознания, индивидуальные и коллективные, онтогенетические и социогенетические основания.

В психологии идентичность – это переживание индивидом своего единства с каким-либо индивидом или их группой или своей приверженности к чему-либо, идее, принципу, делу.

Структура идентичности включает в себя три основных блока: систему конструкторов, систему состояний воздействия и сущностно-деятельностную систему; первая и третья системы являются основными структурными компонентами идентичности, между которыми существует сложная связь.